

А.Н. Медушевский

РЕВОЛЮЦИЯ И ДИКТАТУРА

МЕДУШЕВСКИЙ Андрей Николаевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Понятие революции

Связь между революцией и авторитарными тенденциями политической власти давно является предметом изучения [1]. От внимания современников крупных революций не ускользнул тот факт, что авторитарные тенденции не только не противоречат самой революции, но органически вырастают из нее и выражают ее сущность. С этой точки зрения показательна этимология понятия "революция". В политической мысли Европы важную роль в становлении данной концепции сыграли идеи естественного права и общественного договора, которые в эпоху Реформации привели к появлению достаточно выраженных теологических концепций политического переустройства, разграничению монархии и тирании, легитимации восстания народа против последней.

Само разграничение понятий "реформация" и "революция" становится в связи с их близостью исследовательской проблемой [2]. Понятие "революция", как показал К. Гриванк, заимствовано из астрономии благодаря широкому распространению труда Коперника о вращении небесных тел ("De revolutionibus orbium coelestium") [3]. В естественнонаучном контексте данный термин означал буквально следующее: закономерное регулярное вращение звезд, не подверженное изменениям и не зависящее от воли людей. "Революция", ставшая политическим термином в XVII в., первоначально означала чисто политический процесс и имела смысл, обратный современному. Под революцией в буквальном смысле понималось возвратное движение к некоему предшествующему порядку. В этом смысле данное понятие использовалось впервые не для обозначения английской революции и установления революционной диктатуры Кромвеля, а, напротив, для обозначения последующих¹ событий, связанных с разгоном Долгого парламента и реставрацией монархии. Сходная трактовка отражена в термине "Славная революция" 1688 г., под которой современники понимали не свержение королевской власти Стюартов, а, напротив, передачу королевской власти Вильяму и Марии, с чем связывалась реставрация монархической власти в ее правах и славе¹. Революции XVII и XVIII столетий, воплощающие для нас новое социальное мировоззрение, начались, следовательно, как реставрационные движения, направленные на восстановление исконных порядков, утраченных или измененных из-за деспотизма абсолютистской власти.

Лишь в процессе самих революций происходит осознание новизны происходящего и закрепляется современное понятие революции как радикальных социальных и политических изменений, осуществляемых насильственным путем. Решающее значение в этом процессе сыграли две революции — Американская и Французская. Сопоставляя их вклады развитие современного мира, Х.Арендт говорит о том, что в них представлено две принципиально различающиеся модели революционных конфликтов и идеологий [5]. Одна из них исходит из либерального принципа приоритета индивидуальной свободы, вторая приносит индивидуальную свободу в жертву социальному освобождению. Исходя из этого различаются ход революций и их результаты. Американская революция создает условия для политической демократии, Французская² — открывает путь террору как средству социальных изменений и ведет к установлению диктаторского режима².

Трагедия мировой истории состоит в том, что американскому типу революции был предпочтен французский, который стал моделью всех последующих революций, основой революционной традиции вообще. Подобно тому, как Французская революция рядилась в римские одежды, все последующие революции сопоставляли себя с французской, а их деятели волей-неволей должны были играть по установленным ею законам и имитировать сходные тенденции. Получив теоретическое осмысление в классической немецкой философии и, особенно, марксизме, данная модель реализовалась на практике в русской и китайской

¹ Дискуссия о том, означала ли революция 1688 года кризис легитимности монархической власти и появление нового типа монархии или простую смену монарха, продолжается в настоящее время [4].

² Данная особенность американской политической системы объясняется заимствованием ею демократических конституционных принципов Англии [6], реализовалась на практике в русской и китайской революциях. Теория народного суверенитета привела к утверждению наиболее жестких форм авторитаризма в истории человечества. Не политическая свобода, а материальное изобилие стало целью коммунизма, а средством его достижения — насилие.

революциях. Теория народного суверенитета привела к утверждению наиболее жестких форм авторитаризма в истории человечества. Не политическая свобода, а материальное изобилие стало целью коммунизма, а средством его достижения — насилие.

В констатации этого принципиального факта сходятся теоретики всех направлений от крайне левого до крайне правого, которые, однако, дают ему совершенно различные интерпретации. Для классической западноевропейской парадигмы революции наибольшее значение имел опыт Франции [7]. После Французской революции 1789 г. стало аксиомой рассмотрение революций как полного социально-политического переворота, который протекает в определенных циклических формах [8]. Другая французская революция 1848 г. еще более укрепила эти представления: начавшись со стадии радикальных социалистических устремлений, она завершилась государственным переворотом Наполеона III. Это подтверждало древнюю теорию Полибия, рассматривавшего исторический процесс как смену исторических циклов, которые, начинаясь с абсолютной свободы, заканчиваются в конечном счете деспотизмом. На новом уровне воспроизводится и старое понимание революции как восстановления прежних порядков, только в ухудшенном виде. Отсюда проистекает постановка вопроса классическим либерализмом, который стремится избежать обеих крайностей — неограниченной свободы и деспотизма — за счет более рационального устройства общества и смешанной формы правления³. А. де Токвиль в книге "Старый порядок и революция" сформулировал данный вывод наиболее четко: революция не была неизбежна, она проделала ту же работу, которая происходила постепенно и без нее; возникновение и распространение революционного миросозерцания было трагической ошибкой; начавшись, революция неизбежно должна была завершиться установлением диктатуры, более жестокой, чем все предшествующие формы монархического правительства [10].

Концепции революции

В современной науке четко представлены три основных подхода к интерпретации революций и соответственно — режимов, возникающих на их основе. Это теория социального конфликта (в основе которой лежит марксистская концепция); функционализм и социально-психологическая школа [11]. Их синтезом является сравнительно-историческое изучение революций и политических режимов с позиций теории модернизации. Для функционализма характерно рассмотрение общества как системы, а революции — как ее разрушения. Основным представителем этого подхода — Чалмерс Джонс — считает, что признаком революционной ситуации является неприятие обществом существующего политического порядка [12]. Это происходит тогда, когда политическая система и ее лидеры не способны справиться с растущим давлением общества в направлении изменений. Р.Пальмер, например, интерпретирует революционную ситуацию как тотальный кризис общества, охватывающий одновременно политическую, экономическую, социальную, психологическую, моральную и индивидуальную сферы человеческой жизни. Важнейшим проявлением кризиса он считает утрату обществом уверенности в разумности и справедливости существующего строя, следствием чего является кризис легитимности власти, источников и форм статуса, престижа и благосостояния правящей элиты. Революции не являются неизбежными: они становятся ими лишь в том случае, если осознание обществом неравенства и несправедливости не находит выражение в адекватных мерах со стороны власти по стабилизации системы путем преобразований. В центре внимания оказывается рост несоответствия в системе структур и функций (структурно-функциональный кризис), проявляющийся в изменении и ломке традиционных социальных позиций — системы распределения ролей в общественной структуре. Такие универсальные процессы, как коммерциализация и бюрократизация вели к ослаблению позиций правящего класса — аристократии, оттеснению ее от реальной власти. Таким образом, в интересах динамичного развития системы в целом в новых условиях необходимо было радикальное изменение принципов ранжирования, создания новых форм организации (вместо системы привилегий — принцип функциональной рациональности). Принципы демократии вытесняют принципы аристократии в условиях развития общества в направлении ассимиляции, модернизации, индустриализации.

Системный кризис имел место повсюду, но его очертания были различны. Если в Западной Европе конфликт развивался между основными классами общества — буржуазией и дворянством, то в Восточной он приобретал другую конфигурацию, выступая как конфликт между государством и консервативным классом землевладельцев. Результатом становится социальная дезорганизация — моральное отчуждение общества от правящего класса и власти, революционное давление на нее [13]. Это давление может идти как изнутри общества, так и извне, причем наиболее деструктивной является их взаимная комбинация. Результатом становится кризис легитимности системы, падение ее эффективности, выражающиеся в ослаблении власти. Он разрешается установлением более радикального режима.

Психологическая теория акцентирует внимание на мотивации поведения индивидов. Решающий вклад в формирование этого направления внес П.Сорокин, обобщивший опыт русской революции с

³ Основу либеральной концепции составила идея Токвиля о фундаментальной несовместимости свободы и равенства [9]

бихевиористских позиций [14]. Продолжая эту линию, Т.Р. Гарр говорит об "относительных лишениях" как основе коллективного насилия в политике. Революция определяется как фундаментальное социополитическое изменение, осуществляемое путем насилия. Насилие рассматривается как нейтральная, лишенная оценочного характера, категория. Природа этого насилия раскрывается в бихевиористской традиции в виде цепочки "фрустрация-гнев-агрессия" [15]. Основной вывод данной теории состоит в утверждении о мотивационном базисе революционного поведения — чем больше интенсивность лишений, тем больше значение насилия.

Политическое насилие получает три основных измерения — масштаб, интенсивность и продолжительность. Затем строится типология всех социальных конфликтов, где имеет место применение насилия (смута, заговор, внутренняя война и т.д.). Основным недостатком этой схемы, как отмечали критики, состоит в объяснении (и упрощении) социальных изменений через индивидуальную психологию и мотивацию поведения индивида. Разрешить эту проблему пытаются путем перехода от индивидуальной психологии к коллективной, исходя из того, что она имеет особые механизмы мотивации, не сводимые к механизмам индивидуальной психологии. Методы такого рода исследований были отработаны в основном при изучении массовых акций социального протеста, выражающихся в бунтах, крестьянских движениях, городских беспорядках, для которых характерно применение насилия.

При переходе от традиционного аграрного к капиталистическому обществу происходят масштабные изменения социальной структуры — расширение коммуникаций, развитие коммерции, рост городов, расширение наемного труда, бюрократизация и централизация администрации, начинает действовать ряд новых универсализирующих процессов в структуре производства и потребления, рыночных отношений. Это ведет к разрушению фундаментальных институтов аграрного общества — замкнутого сельского хозяйства, корпоративной общины, крестьянской семьи, ломке традиционалистских социальных и религиозных представлений. Данные изменения в культурной, экономической, социальной и политической сферах составляют основу народных выступлений революционного или квазиреволюционного характера. Исследования социально-психологической направленности раскрывают причины акций коллективного протеста и насилия в различных регионах мира и дают возможность их типологизации [16]. К сожалению, большинство работ имеют описательный (а не содержательный) характер, фокусируясь на внешних проявлениях насильственного протеста. Однако в рамках данного направления показаны принципиальные изменения этих движений в Новое время с точки зрения формальной организации, специфических групп интересов, централизации народной политики (в перспективе ведущей к формированию современных партий). Социально-психологический подход раскрывает непосредственные (психологические) причины социальных взрывов, но не всегда отражает их фундаментальные основания. Данный подход наиболее четко суммирован в известном тезисе: революции возникают с наибольшей вероятностью тогда, когда продолжительный период экономического и социального развития сменяется короткой стадией резкого поворота вспять⁴. Указанное направление, однако, больше говорит о том, почему революции вообще возможны, чем о том, как они развиваются и приходят к своей конечной стадии — воссозданию политической системы. Сравнительно-исторический подход к революциям исходит из возможности установления сходных фаз в их развитии. Для представителей так называемой теории аграрных революций Нового времени характерно их объяснение в контексте кризиса традиционных аграрных обществ в условиях модернизации. Общая постановка проблемы с этих позиций дается в известном исследовании Баррингтона Мура — "Социальное происхождение диктатуры и демократии. Помещики и крестьяне в создании современного мира" [19]. Он различает три основных типа перехода к современному (индустриальному) обществу — буржуазные революции, высшим выражением которых стала западная форма демократии (Англия, Франция и США); "консервативная революция сверху", завершившаяся фашизмом (Германия, Италия и Япония), и крестьянские революции, ведущие к коммунизму (Россия и Китай). Исключение составляет Индия, которая стоит перед выбором. Методы модернизации, избранные в одной группе стран, изменяют постановку проблемы в других странах, которые получают определенную возможность выбора — реализуя "преимущество отсталости". В условиях ослабления политической системы, организованным революционным элитам удается использовать недовольство крестьянства для захвата власти и установления авторитарных режимов. Революция, однако, не только не заканчивается установлением новой власти, но продолжается далее в виде осуществляемого сверху социального переворота. В этом смысле захват власти есть не завершение революции, а лишь ее начало в собственном смысле слова. Французская, Русская и Китайская революции интерпретируются как классические образцы "аграрных революций"; Иранская революция, а также с 1989 года — революции в Восточной Европе анализируются лишь в контексте глобального процесса модернизации [20]. Основное внимание при этом уделяется не столько причинам революций, сколько их результату — характеру социальных изменений и природе политических режимов.

⁴ Такой поворот наступил, в частности, в результате первой мировой войны, которая стала катализатором революции [17; 18].

Данное взаимодействие социальных и политических изменений отражено в наиболее распространенном определении революции С.Хантингтона: "Революция есть быстрое, фундаментальное и насильственное изменение доминирующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, лидерства, правительственной деятельности и политики" [21].

Для объяснения данного феномена большое значение имеет типология революций. В современной литературе существует ряд попыток такого рода, исходящих из различных критериев. Наряду с марксистской типологией, в основе которой лежит классовый признак (крестьянские, буржуазные и пролетарские революции), можно указать на типологию революций по их форме (простые восстания, идеологические восстания, простые революции и тотальные революции); направлению изменений (персональные, властные, структурные революции); характеру (преждевременные, умеренные и радикальные); географии (западные и восточные); способу воздействия на общество (социальные и политические) [22]. Ряд авторов вообще не считает возможным разрабатывать общую типологию революций [23].

Для характеристики политической власти, возникающей в результате революций, особое значение имеет их типология с точки зрения организации. В этой перспективе указывают на спонтанные революции, где элементы теоретического осмысления и организации следуют за ходом событий (например, Испания 1936-1939 гг.); трансформируемые революции, организация и цели которых вначале достаточно неопределенны, но затем, под влиянием событий, — кристаллизуются и приобретают более выраженный характер (например, революционные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы периода второй мировой войны); организованные и идеологически подготовленные (с точки зрения целей) революции, для которых характерно наличие выраженного организационного ядра — политической партии (русская революция 1917 г.) [24]. В последнем случае тип будущей революционной власти определяется уже в самом начале революции, исходя из идеологических постулатов политической партии, становящейся организатором переворота, захвата власти. Данный тип, однако, выступает скорее как исключение, чем как правило. Мало кому в истории удавалось достичь столь полной степени контроля над обществом, как большевикам [25]. Исходя из этого — организационного — критерия становится возможным установить определенные фазы развития революционного процесса — разложение, всплеск, восстановление системы⁵. Каждая из фаз, присутствующая в любом завершённом революционном цикле, характеризуется особым отношением общества и государства, проявляющимся в интерпретации права — оно становится неэффективным, отбрасывается, а затем создается в новом виде. Данное наблюдение играет важную роль при объяснении кризиса легитимности, являющегося предпосылкой авторитарного режима постреволюционной (восстановительной) фазы.

Авторитаризм как высшая стадия революции

При всем сходстве завершающих фаз крупных революций следует иметь в виду неправомерность чисто циклической интерпретации этого процесса. Такая интерпретация, свойственная Средневековью, рассматривала заключительную, восстановительную фазу как возвращение к предшествующему правовому порядку или как осуществление божественного права, что в принципе исключало представление о возможном прогрессе — какой-либо новизне революционного режима по отношению к предшествующему [26]. Очевидно, однако, что каждая последующая диктатура оказывалась значительно более организованной, чем предшествующая, и ставила перед собой значительно более амбициозные цели. Простое сравнение древних форм тирании с революционными режимами Кромвеля и Наполеона, а их в свою очередь с тоталитарными государствами Гитлера, Сталина и Мао дает возможность убедиться в противном. При общей преемственности и сходстве многих параметров, налицо качественное различие в объеме контроля над обществом, степени концентрации власти и характере ее легитимации.

Если сопоставить основные схемы классификации революционных процессов с теми, которые используются в современной науке при классификации различных типов диктаторских режимов, то нетрудно убедиться, что они переходят друг в друга. Более того, как и революции, диктаторские режимы сознательно имитируют друг друга, перенимая формы легитимации и извлекая уроки из опыта предшественников. Пример — использование фашистами коммунистических принципов организации партии и тактики захвата власти [27]. В одной из наиболее разработанных типологий предложены следующие критерии: диктатуры различаются по своей идеологии; происхождению; целям и интенсивности воздействия⁶. Этот последний критерий представляется нам наиболее объективным и информативным, поскольку в меньшей степени зависит от случайных факторов и субъективного представления режимов о

⁵ О положении различных социальных групп с точки зрения их функции на разных фазах революции см. [25].

⁶ "Фашистские партии имитировали коммунистическую технологию власти, но придали ей более военизированный характер [28].

самих себе. Снимается, в частности, традиционное противопоставление революционных и контрреволюционных режимов, осуществляющих преобразования путем массовой мобилизации или реформ сверху, с использованием насилия или без него. Используя данный критерий, можно подразделить все диктаторские режимы на тоталитарные и авторитарные. Более четкая классификация включает три элемента — а) тоталитарная диктатура, б) цезаристская диктатура (высшее воплощение получает в бонапартизме), в) обычная диктатура. Важным критерием типологии является также способ установления диктаторского режима — легальный или полуполитический; военный переворот; военное поражение или вторжение извне. В реальной жизни мы находим комбинацию различных признаков и их изменение во времени.

Механизм власти при переходе к авторитарному правлению: типология режимов

При изучении того, как из революции возникает авторитарный режим, важно отказаться от традиционного представления о том, что он является консервативной реакцией на революцию. Напротив, возникновение авторитарного режима есть следствие всякой логически завершенной социальной революции и в этом смысле составляет ее заключительную стадию. В центре внимания при этом оказывается проблема конституционного кризиса. Революция разрушает традиционную социально-правовую систему и создает новую, закрепляемую, как правило, в конституции, построенной на идеальных началах. Ее несоответствие реальности почти сразу же порождает конституционный кризис, суть которого определяется столкновением легитимности и законности.

Этот кризис, который может проходить в несколько стадий, разрешается в основном победой легитимности над законностью, созданием нового права, в большей степени отвечающего интересам власти. Проблема легитимности стала поэтому центральной при интерпретации права переходных эпох, когда разрыв реальности и оценки значения тех или иных изменений особенно заметен [29].

В современной литературе проблема конституционного кризиса раскрывается в основном на примере Веймарской республики, когда она имела практическую актуальность в условиях установления нацистской диктатуры, однако проблема имеет более широкое значение. В правовой науке того времени она нашла наиболее полное выражение в теориях, отрицающих естественное право как основу всякой государственности — отождествляющих право и государство или ставящих государство выше права. Первая точка зрения представлена Г. Кельзеном [30]. Он рассматривал государство и право как идентичные понятия: есть только одно право — государственное. В соответствии с этим любой политический режим может рассматриваться как правовое государство постольку, поскольку определяет себя в правовых терминах. Данная концепция, отвергая ценностный взгляд либерализма на государство, вела к отождествлению публичного и частного права, оправдывала любую политическую иерархию, рассматривая ее как правопорядок. Последующая критика этого учения показала его объективную связь с авторитарными тенденциями эпохи [31].

Другим мыслителем в этом ряду стал К.Шмитт, давший антилиберальную трактовку государства. Интерес к нему в современной науке объясняется именно тем, что он дал очень четкую юридическую постановку вопроса о соотношении государства и права в условиях кризиса — легитимность или законность [32]. Он фактически возродил учение Гоббса в новых условиях, рассматривая сильное государство как источник стабильности в условиях кризиса, выводя из этого апологию сильной власти и ее права преследовать врагов государства [33]. Эта эволюция завершилась признанием нацистского переворота и установленного режима террористического господства [34]. Наиболее характерны в этом отношении работы, отрицающие принципы демократии и парламентаризма, обосновывающие тотальное государство и роль фюрера как верховного судьи. Правовая модель данного конфликта отражала его социальное и политическое содержание.

С самого начала своего существования Веймарская республика не смогла добиться социальной поддержки подавляющего большинства населения [35]. Консервативные, националистически настроенные элементы рассматривали ее как переходную стадию к установлению своего господства в стране и военного преобладания за ее пределами. Левые, радикально настроенные элементы также видели в ней переходную стадию на пути к установлению политической организации, отражающей действительные народные чаяния. Этим крайним течениям противостоял средний класс, который, однако, был слишком слаб, чтобы претендовать на самостоятельную роль в определении политического курса. Вынужденный выбирать между левыми, несущими угрозу социальной революции, и правыми, отстаивающими стабильность, данный слой предпочел союз с правыми. Это дало значительные преимущества правому направлению, позволив ему утвердиться у власти, использовав конституционный механизм государства для своих целей. Существенную роль в процессе установления авторитарного режима играла общая социокультурная обстановка — немецкая идеологическая традиция, важнейшим элементом которой была холистская концепция государства и его значения в процессе преобразований [36]. Свержение монархической власти в ходе революции оставило вакуум, попытка заполнить его нашла выражение в концепции президентской власти. Вопрос о перераспределении функций, ранее принадлежавших кайзеру стал предметом обсуждения. Гуго Пройс, М. Вебер, Ф. Науманн выступили за

организацию сильной президентской власти по американскому образцу. Для избрания президента имелись два готовых образца — через парламент, как во Франции (совместно Сенатом и Палатой депутатов) или путем всеобщего народного голосования, как в Соединенных Штатах. Против выборов через парламент выступало очень сильное течение во главе с М. Вебером, который в этом смысле и повлиял на выработку текста конституции. Смысл этой организации состоял в стремлении обеспечить единство государства, противопоставив центробежным тенденциям отдельных земель сильный центр. Кроме того, считалось необходимым противопоставить парламентскому абсолютизму некий противовес в виде сильного президента, который мог бы в случае необходимости апеллировать к народу через голову парламента и бюрократии [37]. Средством для практической реализации этой политики стало предоставление президенту чрезвычайно широких полномочий: он становился правомочным представителем нации, получал право распускать рейхстаг и обращаться за поддержкой к народу, назначать главу правительства — канцлера, стал верховным главой вооруженных сил. Особый статус президента включал право вводить чрезвычайное положение и использовать вооруженные силы для поддержания общественной безопасности и порядка. Закрепленное в 48-й статье Веймарской конституции данное право вело к созданию в стране режима замаскированной конституционной монархии — президентской диктатуры и превращало самого президента в эрзацкайзера [38].

Установление фашистской диктатуры в 1933 г. является для современной политической науки идеальным типом — моделью такого рода переворотов вообще, поскольку дает уникальный пример революции, осуществленной правовым путем. Для этой "легальной революции", как ее называют многие авторы, характерно оптимальное с точки зрения механизма власти сочетание легальных и нелегальных методов борьбы, нашедшее выражение в разрушении конституционной системы конституционным путем. Наиболее существенным в дискуссии по данной проблеме является изменение функции института президентской диктатуры. Созданный и закрепленный в Веймарской конституции первоначально для защиты демократического порядка против попыток экстремистских переворотов послевоенного времени, данный институт приобрел совершенно другую — обратную функцию с изменением политической ориентации президента. Уже в начале тридцатых годов с появлением консервативных и авторитарных правительств (Брюнинга, Папена и Шляйхера) стало ясно, что данный институт создает легальную возможность прихода к власти внепарламентских или даже антипарламентских сил. Приход к власти национал-социалистической партии Гитлера реализовал эту возможность. Утверждение экстремистской партии у власти парламентским путем означало в то же время антиконституционный переворот, завершившийся созданием авторитарного однопартийного государства.

Формально сохранив конституцию, которая была важнейшим фактором легитимации власти, режим на протяжении своего существования последовательно отменял ее. Поэтому здесь не происходит формальной ломки всего предшествующего права, как это было в случае русской революции, а идет его радикальная трансформация путем частичной отмены ряда старых норм или нового толкования предшествующих. Фактически на всем протяжении существования Третьего Рейха он опирался на постоянно воспроизводимый режим чрезвычайного положения. Легальная по форме, революционная по существу, диктатура использовала особую тактику захвата и удержания власти [39]. Фактическая отмена конституции, роспуск рейхстага (который затем был чисто символическим органом для легитимации в основном внешнеполитических решений) и отмена рейхсрата (в рамках политики унификации и отказа от федерализма), наконец, легализация террористической диктатуры разрушили основания правового государства — механизм разделения властей, независимые общественные организации (профсоюзы, образовательные и даже отчасти церковные организации), многопартийную систему, а следовательно — саму институциональную основу существования традиционных элитных групп [40].

Основной способ фактической реализации этой программы состоял в назначении партийных функционеров на руководящие должности в государственном аппарате и полиции. Отсюда характерная эволюция всей политической системы от "двойного государства" к "государству-СС". Система отношений партии, государства и службы, безопасности, давая возможность перекрестного контроля, содержала в то же время определенный конфликтный потенциал, который мог быть преодолен лишь на самом высшем уровне. Отсюда тенденция к централизации, бюрократизации и милитаризации всей системы. Следствием стало огосударствление общества, слияние партии и государства, государства и службы безопасности, находящее высшее выражение в принципе фюрерства.

Принцип фюрерства как политико-правовая конструкция, а также характер его легитимации дают наиболее четкое представление о сути всего режима. Третий Рейх рассматривался, с одной стороны, как общенародное бесклассовое государство немецкой нации, и, с другой — военный порядок с прямой командной структурой сверху. В слиянии этих двух начал воедино и состояло значение принципа фюрерства. Это был синтез псевдodemократических плебисцитарных форм легитимации и военно-авторитарных идей, воинствующей идеологии "движения" и обоснования военно-бюрократического порядка авторитарного

государства, воплощенных в личности харизматического вождя [39, S. 370-371]⁷. Таким образом давалось формальное решение проблемы германского права — разделения гражданского общества и государства — за счет их объединения в корпоративистском государстве. Данная конструкция соответствовала политической традиции германской государственности, представленной двумя направлениями — австрийской национальной экспансии и прусского авторитаризма, а не была просто спонтанным выражением "демонии власти". Введение данного принципа в законодательство означало радикальный разрыв с предшествующей конституционной традицией. Все формы оппозиции — выражения несовпадающих общественных интересов и их представительства — заменялись одной. С правовой точки зрения фюрер был единственным представителем народа во всех областях социальной и политической жизни. Три столпа режима — партия, вермахт и госаппарат — возглавлялись фюрером. Он соединял полномочия вождя партии, главы государства — президента и главы правительства — канцлера. Формула "воля фюрера есть закон партии" — не преувеличение, а констатация реального положения вещей.

Таким образом, два основных легитимирующих начала всех революций нового и новейшего времени — доктрина народного суверенитета и идей представительства — соединяются в принципе фюрерства наиболее последовательно, становясь источником неограниченной власти вождя. Известным аналогом данному принципу служит в коммунистической системе культ личности, однако решающее значение здесь имеет принцип руководящей роли партии, а не вождя (используя немецкую терминологию — "Parteiprinzip", а не "Führerprinzip"). В фашистских диктатурах этот принцип также играл неодинаковую роль, в большей или меньшей мере соответствуя реальной структуре власти. Если в Германии Гитлер воплощал его полностью (будучи главой движения, государства и правительства), то в Италии Муссолини не мог претендовать на эту роль (ввиду сохранения монархической системы), а в Испании власть Франко более соответствовала национальной традиции военной диктатуры, чем чистого идеологического вождизма.

Рассмотренная модель кризиса демократии и установления авторитарного режима имеет ряд важных преимуществ — она отражает явление системно и в динамике, доводя его до логического завершения, позволяет раскрыть его правовые формы, реальный механизм, движущие силы, фазы развития и методы осуществления. Если взять данную модель за отправной пункт, то можно по тем же основным критериям провести сопоставление других авторитарных режимов, выявив их сходство и различие.

В современной науке существует ряд основных концепций авторитаризма, классифицирующих его исторические варианты по типу организации (степени контроля над обществом), характеру легитимирующей формулы (степени ее завершенности) и структуре власти (более или менее эффективной). Располагая эти варианты по мере ослабления указанных признаков, мы получаем последовательность, обратную той, которая существует в истории. Это — тоталитаризм, бонапартизм (или цезаризм), а также различные формы военной диктатуры. Такой порядок их рассмотрения представляется оправданным с социологической точки зрения прежде всего для изучения механизма власти.

Тоталитаризм

Наиболее выраженным типом является тоталитарное государство XX в. Данная концепция, разработанная для объяснения "тотального" государства как национал-социалистов, так и коммунистов, исходит из того, что обе эти формы ведут к абсолютному господству организационного начала. Возникновение тоталитаризма как особого исторического феномена в принципе связывается большинством исследователей с превращением масс в активную силу политического процесса. Само появление "масс" (т.е. аполитичных лиц, не интегрированных в какие-либо общественные или политические организации) в политике есть следствие разложения структур традиционного аграрного общества в ходе экономического развития и социальных революций. Концепция массового общества представляет собой особый идеальный тип, который в чистом виде не существует ни в западных плюралистических демократиях, ни в тоталитарных обществах, однако его элементы присутствуют в обоих социальных типах.

Данное явление позволяет во многом объяснить тоталитаризм XX в., поскольку тоталитарные режимы, опираясь на массы, в то же время сознательно деклассировали, атомизировали и маргинализировали общество. Образование массового общества создает социальное напряжение, выход из которого может быть найден в различных формах социальной активности. Принципиальное отличие демократического массового общества от тоталитарного состоит в характере организации человеческой деятельности: в первом случае индивид имеет свободу выбора при определении характера своей социальной деятельности, во втором — ее направление жестко детерминировано системой. Само возникновение тоталитаризма с этой точки зрения есть процесс трансформации массового общества в тоталитарные структуры. В ходе этого процесса происходят качественные изменения как в самом обществе, так и в организации его мобилизационной элиты, которая становится более закрытой и иерархизированной, превращаясь в орудие обратного

⁷ Интересно, что основной ошибкой Наполеона в организации власти Гитлер считал провозглашение им себя императором [41].

воздействия на массы [42]⁸. На этом основании многие теоретики Франкфуртской школы говорили о тоталитаризме как явлении, в принципе связанном с возникновением массового общества и, следовательно, могущего получить распространение в любой социальной среде. Достаточно вспомнить в этой связи концепции "бегства от свободы" Э. Фромма [44], "одномерного человека" Г. Маркузе [45] и особенно — "авторитарной личности" Т. Адорно [46], которые являются психологической реакцией на радикальные социальные изменения в массовом обществе.

В основном речь идет, однако, о странах, еще не изживших традиционные социальные структуры и соответствующий им способ мышления. В странах со слабыми элементами гражданского общества, отсутствием либеральной и конституционной традиции переход к массовому обществу часто оборачивается появлением тоталитарных мобилизационных движений, ведущих к установлению различных типов авторитарных режимов. Наиболее типичными примерами могут служить Италия и Германия, а с существенными оговорками и Россия. Имеется в виду появление деклассированных элементов, остро чувствующих потерю социального статуса, испытывающих кризис ориентации, почти инстинктивно стремящихся к самоопределению в какой-либо новой, унифицированной форме. Отсюда — характерные явления деперсонализации, универсализации мышления, идеологизация общества, сочетающиеся, однако, с достаточно традиционным отношением к власти. Эти условия становятся благоприятными для появления тоталитарных движений, основная цель которых — не столько реализация какой-либо идеологической программы (которая может быть различной и меняться), сколько захват власти и установление контроля над массами. Сформулировав этот принципиальный вывод в своей классической работе о происхождении тоталитаризма, Х. Арндт раскрывает основные принципы тоталитарной организации — связь идеологии (мировоззрения) и боевой организации партии, иерархическая организация общества и партии, принцип вождизма [47]⁹.

Доминирующая организационная тенденция состоит в направленном проведении дифференциации общества по линии отношения к самому движению и его руководству. В результате возникает (и закрепляется пропагандой в качестве стереотипа мышления) особый тип организации — деление общества на сторонников движения (симпатизирующих) и его активных участников (членов партии). Это деление далее воспроизводится на всех уровнях, внутри партии элита также отделяется от партийной массы, а вождь — от элиты. Внешне эта структура напоминает любое авторитарное государство, однако по существу качественно отличается от него механизмом власти.

Тоталитарная организация общества имеет не пирамидальную форму (как авторитарное государство), а "луковичную": центр власти и управления составляет сердцевину организации, которая с помощью системы приводных ремней — партии, профсоюзных, молодежных и других квазиобщественных организаций — объединяет вокруг себя все слои общества. Эта особенность выражается в том, что в тоталитарном государстве нет иерархии в традиционном смысле слова: между высшей властью (вождем) и управляемыми нет значимых промежуточных уровней, разделяющих власть и ответственность. Даже правящая элита из-за нестабильности и чисток выражена здесь не четко. Реальная власть концентрируется, собственно, внутри партийной элиты, тайной политической полиции и высшей бюрократии, однако ни одна из этих групп не может действовать самостоятельно. Воля вождя воплощена всегда и везде, а сам он не связан никакой иерархией, в том числе созданной им самим. Главное отличие тоталитарного вождя от обычного диктатора или тирана в том, что он совмещает две функции — лидера движения и главы государства, которому делегируется вся полнота как власти, так и ответственности. Поэтому все политические акции являются эманацией его воли, а функционеры государства не только назначаются им, но и являются его ходячим воплощением.

В данной системе исключается критика вождя, а исправление допущенных им ошибок неизбежно ведет к уничтожению функционеров, проводивших эту политику. Реальная политика приобретает форму работы с кадрами. Сталин и Гитлер победили в разных условиях потому, что обладали способностью систематически и планомерно работать с кадрами. Тенденция системы состоит в концентрации власти в руках ближайшего окружения вождя, с которым он связан генетически и которое, в свою очередь, не может обойтись без него [49].

В то же время авторы данной теории вводили три основные ограничения: тоталитарная диктатура исторически уникальна и имеет особую природу; фашистский и коммунистический тоталитаризм в основе своей идентичны и во всяком случае ближе друг к другу чем какая-либо другая система правления, включая ранние формы автократии; тоталитарные диктатуры не являются случайными, но возникают в особой обстановке, когда антиконституционные и антидемократические революционные движения и их лидеры

⁸ Для массового общества характерен и особый тип участия в политике, отвечающий ее новым функциям, распределению ролей и символам — "Homo Politicus" [43].

⁹ Несмотря на то, что концепция тоталитаризма Х. Арндт подвергается серьезной критике (в основном из-за буквального сопоставления гитлеровского и сталинского режимов), ее ключевые положения не утратили своего теоретического значения по сей день [48].

находят друг друга в движении к однопартийной диктатуре [50]. В соответствии с этим подходом выделяются основные признаки тоталитарного государства — официальная идеология, охватывающая все жизненно важные сферы человеческого существования, устремленная на создание утопического идеального общества и борьбу за него; единственная массовая партия, организованная иерархически и возглавляемая диктатором; система террористического полицейского контроля, направленного на целые социальные слои и использующего все возможные научные достижения; монополичный контроль партии за всеми средствами массовых коммуникаций; монополия контроля над всеми средствами вооруженной борьбы; централизованный бюрократический контроль и управление всей экономикой [51].

Наиболее значимой чертой зрелой тоталитарной системы является господство партии, представляющей собой элиту общества, а также особый тип тоталитарного диктатора. Определяя тип легитимации его власти, указывают, что он едва ли может быть отнесен к одному из известных (по веберовской типологии) — традиционному, рациональному или харизматическому (под которым понимаются чисто религиозные вожди), а потому должен рассматриваться как совершенно самостоятельный¹⁰. Отсюда делается вывод об уникальности тоталитаризма и невозможности отыскания аналогов ему в таких предшествующих формах авторитаризма, как восточная деспотия древности, абсолютная монархия в Европе Нового времени, Римская империя, тирании в городах-государствах древней Греции и Италии эпохи Возрождения, а также в бонапартистской военной диктатуре.

Бонапартизм

Бонапартизм представляет собой по существу первую в истории Нового времени попытку введения единоличного правления на основе народного волеизъявления. Такой подход позволяет объяснить три характерных черты бонапартизма: во-первых, оригинальность этой формы диктатуры, отличной от всех прочих форм авторитарного правления в истории; во-вторых, закономерности вырастания бонапартистского режима из революции и, в-третьих, появление аналогичных (хотя и не тождественных бонапартизму режимов после всех крупнейших революций Нового и Новейшего времени). В перспективе всей логики перерастания демократии в тиранию бонапартистская идеология может быть определена как стремление к неограниченной единоличной власти, опирающееся на волю народа. В этом состоит ее историческая оригинальность в отличие от монархической власти традиционного типа или обычной военной диктатуры. Легитимирующей формулой данного типа власти (возникшего, правда, в результате военного переворота) является та же формула, которая легитимировала весь революционный процесс и предшествующую якобинскую диктатуру — руссоистский принцип народного суверенитета, находящий выражение в "народной воле" [53]. Как показано в современной литературе, весь путь якобинцев к власти обеспечивается их формальным следованием этому принципу. Первоначально это было объединение "общества друзей конституции", но с развитием революции якобинцы выступают с новой трактовкой конституции как "деспотизма свободы", а затем и вовсе высказываются за новую конституцию [54]. Сравнение конституций 1791 г. и новой — 1793 г. показывает, что она была "гораздо более демократична и гораздо менее либеральна" [55]. Это означало использование принципа народного суверенитета для фактической отмены политического плюрализма, выражающегося в системе многопартийности, разделения властей, свободе печати. С этих позиций якобинцы получили возможность устранить от власти сторонников конституционной монархии, а затем и жирондистов, создать авторитарный режим. Во имя конституции якобинцы уничтожили также проявления непосредственной, прямой, "анархической" демократии — так называемой "демократии санкюлотов" [56]. Установление всеобщего равенства перед законом (являющееся предпосылкой современного парламентаризма) в условиях революции обернулось равенством всех в бесправии по отношению к диктатуре. На всех этапах борьбы за власть якобинцы представляли как сторонники демократической конституции, а их оппоненты — как противники конституции и, следовательно, контрреволюционеры. Отметим, что это понятие "контрреволюционности" объединяло идейные и политические течения самой различной направленности (от последователей абсолютизма в прежнем смысле до сторонников конституционной монархии и даже республиканцев, выступающих за глубокие реформы), а его реальный смысл состоял, следовательно, в дискредитации всех вообще противников новой власти [57]. Характерной чертой якобинской диктатуры является тот факт, что, будучи легитимирована с помощью конституции (разработанной, но не принятой), она тем не менее нисколько не была ею связана, действуя в режиме чрезвычайного положения. Особенность Якобинского клуба состояла в том, что, в отличие от конкурирующих революционных организаций (кордельеров и др.), он был более консолидирован, — имел

¹⁰ Критические аргументы в отношении концепции и понятия тоталитаризма состоят в следующем: данная концепция слишком абстрактна и многозначна; она игнорирует существенные различия между фашистской и коммунистической системами; рассматривает явление тоталитаризма в статическом состоянии, не учитывая его динамики и различия фаз; не раскрывает различной интенсивности господства и контроля в разных тоталитарных государствах; не показывает черт сходства тоталитаризма с другими формами авторитаризма [52].

более четкую формальную организацию в центре и на местах (система местных отделений клуба). Это создавало уникальные предпосылки для манипулирования массами, концентрации власти, воплотившейся в диктатуре Комитета общественного спасения и лично Робеспьера. Фактически была создана модель конституционной легитимации тиранической личной власти революционного диктатора. В этом смысле бонапартистская диктатура является не только органическим продолжением революции, но и логическим ее завершением. Данное обстоятельство объясняет также постоянное воспроизведение рассматриваемого типа легитимации власти в результате революций Нового и Новейшего времени и делает возможным установить принципиально общие свойства авторитарных политических режимов.

Фундаментально объединяющим признаком режимов Наполеона, Гитлера, Муссолини, с одной стороны, Ленина, Сталина, Мао и других революционных диктаторов — с другой, является (при всем их различии) стремление вождя представить себя последовательным воплощением воли народа, сделавшего свой окончательный исторический выбор (демократический принцип легитимности). В этом смысле тоталитарные режимы XX в. при всем многообразии их социального облика, организации, идеологического оформления, технологии захвата и удержания власти многим обязаны французской революционной традиции и, особенно, наполеоновской диктатуре¹¹. Подобно тому, как теорию Руссо можно назвать первой моделью тоталитарного государства Нового времени, бонапартистский режим есть первая незавершенная попытка реализации этой модели на практике. Действительно, бонапартистское прочтение идеи народного суверенитета состояло в установлении единоличной диктатуры по воле народа. Наполеон приобрел в революционной Франции популярность именно как вождь, стремящийся выразить настроения масс и одновременно правитель, провозгласивший себя создателем и орудием масс, первым слугой народа [59]. Основания его легитимности напоминают те, которые сложились в результате революционной диктатуры Ленина и последующих генеральных секретарей, а также принцип фюрерства национал-социалистов, харизматических вождей национально-освободительных движений в развивающихся странах [60]. Центральное место занимают при данном типе легитимации власти отношения масс и вождя (роль партии как связующего звена между ними в тоталитарных режимах отступает на задний план). В результате установления подобного режима происходит своеобразный синтез демократии с самовластием. Возникнув благодаря выборам (подлинным или мнимым — не имеет значения), данный режим, утвердившись у власти, не терпит сопротивления [61]. Опираясь на народные плебисциты (или серии референдумов, как при Наполеоне I и Наполеоне III), режим узаконивает всякое беззаконие [62]. Воплощая теоретически волю всего народа, он истребляет оппозицию и ставит вне критики своего вождя. Между массами и правителем устраняются все промежуточные инстанции, могущие "исказить волю народа". Это позволяет режиму плебисцитарной демократии легитимным путем осуществлять разгон парламента, перестановки внутри правящей элиты, чистку госаппарата и армии от представителей потенциальной оппозиции. Так происходит установление новой формы единоличной власти.

Военная диктатура

В отличие от рассмотренных выше типов авторитарной власти — тоталитаризма и бонапартизма — диктатура является более традиционной, поскольку не стремится легитимировать себя с помощью принципа народного суверенитета, а опирается только на институты власти — армию, бюрократию и полицию. Данная форма авторитаризма возникает в периоды социальной напряженности и имеет своей целью восстановление стабильности политической системы, а не проведение какой-либо программы преобразований. Она ориентирована поэтому на традиционные ценности и институты власти. Примером может служить военная диктатура Примо де Ривейры, установленная в Испании в 1923 г. [63]. Для диктатора были приемлемы традиционные институты — монархия и церковь, но не парламентаризм, который однозначно отвергался. Основной легитимирующей формулой стал национализм — идея Великой Испании, средствами достижения чего служили установление внутреннего мира (разрешение социальных и национальных противоречий) и решение внешней проблемы (Марокканский кризис). Была отодвинута угроза основам системы со стороны левых партий и профсоюзов, ослаблены проявления местного национализма автономий (запрещение каталонского языка), наконец, достигнут успех в колониальной политике (разгром Абд эль Керима в Марокко и восстановление протектората над ним).

Основу социально-экономической политики составляла установка на модернизацию. Она проводилась в рамках политики огосударствления экономики — автаркии, протекционизма и планирования ("десятилетний план"). Средствами реализации этой политики стали жесткая финансовая реформа, создание государственных монополий, организации публичных работ (явно сказался опыт других государств послевоенного времени). Успех в этих направлениях обеспечил диктатуре определенную легитимность. Военный режим функционировал на основе чрезвычайного положения — отмены оппозиционных политических партий, ограничения конституционных прав, свободы прессы, использования карательных

¹¹ Связь бонапартизма с последующей тоталитарной традицией отмечается многими. Бонапарт определяется как "король революции, который совместил прежний образ власти с ее новой легитимностью" [58].

органов. В дальнейшем, однако, характерна определенная эволюция легитимирующих принципов режима в направлении установления гражданского правления. После переворота конституция была, согласно официальной формуле, "приостановлена, но не отменена". От идеи осуществления старой конституции (1876 г.) новыми людьми Примо де Ривейра приходит к идее новой конституции, которая должна быть принята Национальной Ассамблеей. Военная директория сменяется гражданской (1925 г.).

Механизм власти и управления вполне соответствовал целям режима. Выступая против раздутых штатов аппарата управления и бюрократической коррупции, диктатор считал основным средством разрешения проблемы использование армии. Функции центрального управления были сосредоточены в военной директории, включавшей генералов, назначаемых по старшинству (для избежания "политических" соображений). Местное управление было доверено менее высоким военным чинам — провинции управлялись бригадами, а капитаны назначались делегатами в муниципалитеты. Внешне эта акция выглядела достаточно эффектно, поскольку давала большую экономию на оплате чиновников для бюджета. Другой акцией подобного рода стал декрет о запрещении высшим должностным лицам гражданской администрации входить в руководство компаний, выполняющих государственные заказы. Эти меры отодвинули традиционную правящую элиту от управления, сосредоточив его в руках новой группы военных, а позднее также технократов. Стремление режима в дальнейшем обеспечить более широкую социальную поддержку и интегрироваться в общество нашли выражение в создании особой организации (фактически правительственной партии) — "Патриотического союза" (1924 г.) и принятии "Муниципального статута" (1925 г.), что означало первую стадию демилитаризации режима. Данная программа, однако, оказалась неэффективной. Созданное сверху общественное движение не имело социальной базы, а попытка переустройства местного управления путем посылки туда пятисот офицеров привела лишь к росту независимости местной власти от центра. Характерные черты данного типа военных переворотов неоднократно воспроизводятся затем в традициях каудилизма, представленных в основном военными режимами Латинской Америки, Африки и Азии [64]. Военные режимы становятся здесь альтернативой демократии, а армия — единственной значимой политической силой. Часто, однако, данные режимы не содержат достаточного потенциала для радикальной модернизации страны.

Модернизация и авторитаризм

Процесс модернизации оказал несомненное влияние на формы авторитаризма Нового и Новейшего времени, его интенсивность и темпы развития. Концепция модернизации призвана объяснить не столько сам процесс социальных изменений, сколько его специфику в странах с "догоняющим" типом развития. В частности, становится возможным установить соотношение ряда факторов, определяющих генезис авторитаризма Нового времени. Для этого необходимо учитывать общую объективную структурную перспективу, международные и всемирно-исторические условия развития, а также фактор потенциальной автономности государств как административных и репрессивных организаций от социально-экономических интересов и структур. С образованием национальных государств Нового времени возникает тенденция к усилению контроля государственных машин над территориями и ресурсами, возрастание их роли в социальной мобилизации, а также усиление их военного соперничества между собой. В условиях этой комбинации национальных и транснациональных факторов развития кардинально меняется характер отношений общества и государства в целом. Выделяются два основных уровня действия транснациональных факторов — с одной стороны, структуры мировой капиталистической экономики и международная система государств, в которой каждое из них занимает индивидуальную позицию; с другой — изменения "мирового времени" в целом, создающие новые качественные условия функционирования глобальной политической системы и позволяющие отдельным государствам заимствовать в готовом виде модели, созданные другими государствами. Крупнейшие социальные революции Нового времени произошли в странах, имеющих неблагоприятную позицию на мировой арене и столкнувшихся в силу своей экономической или военной отсталости с угрозой национального существования. Основной причиной социально-политических кризисов является, следовательно, не отсталость сама по себе, а относительная отсталость страны по сравнению с другими, проявлением чего служит обычно военное поражение, угроза вторжения или превращения в колонию. Выражением этого становится социально-политический конфликт, который может найти разрешение в двух основных формах — революции или радикальной реформы.

Под "социальной революцией", исходя из этого, следует понимать быструю и основательную трансформацию государства и социальной структуры, сопровождающуюся или частично осуществляемую путем классового восстания снизу. Под реформой — те же радикальные изменения, осуществляемые государством сверху без уничтожения традиционного правящего класса. В качестве революций такого рода рассматривают Французскую, Русскую и Китайскую, выбор которых основан на том, что здесь не было колониализма, деформирующего весь процесс; существовало сходство социально-экономических порядков (аграрные отношения) и политических режимов (старый порядок); наконец, революционный цикл прошел все стадии и завершился установлением нового революционного правительства [65].

Революционный кризис во всех трех случаях стал возможен благодаря неспособности абсолютистских государств принять вызов, брошенный более развитыми государствами на международной арене¹². Объективная причина этой неспособности кроется в консервативности организации традиционного аграрного общества, разрывании в нем конфликта между производящими классами, правящим классом и государством. Зажатое между внутренней классовой организацией и тенденциями международного развития, государство старого порядка, его административный аппарат и армия не выдержали давления — были отброшены, уступив место революционному переустройству общества. Фактически во всех трех случаях (хотя и в разной степени) класс землевладельцев заблокировал путь модернизации в самом начале (как во Франции и Китае) или свернул ее впоследствии (как в России).

Традиционная аграрная организация общества, таким образом, не позволила реализоваться политике реформ сверху. Объективный выход был найден этими системами в стратегии аграрной революции снизу, ведущей к появлению авторитарной или тоталитарной диктатуры. Руководящую роль в этом процессе играет революционная элита, которая рекрутируется из различных (преимущественно низших или маргинальных) социальных слоев. Ее историческая функция состоит в создании тоталитарной идеологии (якобинство или марксизм), мобилизации с ее помощью масс, создании нового государства и проведении модернизации. Результатом стало возникновение сильных тоталитарных государств, способных осуществить модернизацию (прежде всего — индустриализацию) вопреки сопротивлению традиционных социальных структур. Процессы разрушения этих структур, ассимиляции крестьянства, индустриализации имели следствием идеологизацию, бюрократизацию и милитаризацию режимов. В Новейшее время данная модель политического устройства последовательно (хотя и в различной степени) реализовалась в таких модернизирующихся странах, как Мексика, Югославия, Вьетнам, Куба, Боливия, Алжир, Мозамбик, Эфиопия, ведя повсеместно к созданию авторитарных однопартийных режимов.

Другая модель политического устройства модернизирующихся государств представлена в тех странах, где социально-политический конфликт традиционных аграрных обществ был выражен не столь отчетливо и получил другую форму разрешения — путем "революций сверху" или радикальных экономических реформ, осуществляемых самим государством. Важнейшим критерием, разделяющим революцию и реформу, является в связи с этим судьба правящего класса — в первом случае происходит его разрушение, во втором он сохраняется. Важнейшими предпосылками успешной революции сверху являются слабость (а в идеале даже отсутствие) привилегированного класса землевладельцев, играющего доминирующую роль в политической системе; относительная автономность государственного аппарата; независимое и достаточно самостоятельное положение бюрократии в госаппарате. Примером реализации подобной стратегии могут служить реформы в Пруссии, революция Мейдзи в Японии, преобразования Кемаля Ататюрка в Турции [67]. В Пруссии конфликт юнкерства и бюрократии в эпоху реформ Штейна-Гарденберга начала XIX в. был разрешен в пользу бюрократии из-за слабости землевладельцев, которые большей частью находились на службе и интегрировались в административные структуры, находясь на государственном жаловании¹³. В результате этих реформ Германии удалось пойти значительно дальше по пути капиталистической модернизации, чем России после 1861 г. В Японии успех модернизации объясняется отсутствием там политически могущественного класса земельных собственников. В результате революции Мейдзи смены правящего класса не произошло — власть перешла от одной его группы (традиционной) к другой, ориентирующейся на модернизацию по западному образцу. Самураи, осуществившие переворот, были не землевладельцами, а чиновниками (получавшими жалование из казны): отстранив сегуна, они отстранили также традиционную земельную знать. Это позволило в дальнейшем достичь высокого уровня бюрократической централизации и проводить реформу политического строя поэтапно через стабильную систему институтов и персонала.

Представляет интерес анализ возможностей государства (и бюрократии) в трансформации традиционного способа производства и отношений собственности. По мнению ряда авторов, бюрократия, имея в авторитарных режимах монополию на власть, ресурсы и идеологический аппарат, может оказаться в состоянии лишить традиционный класс земельных собственников его привилегированного положения. Примером служит стратегия Кемаля: создав широкое национальное движение для обороны страны, он смог нейтрализовать как массы народа, так и аристократию. Социальной опорой реформ стали бюрократия, армия, частично аристократия и интеллигенция. Трансформация и модернизация общества была достигнута не за счет массовой мобилизации (как в ходе Французской или Русской революций), а за счет манипуляции элитными группами и эффективной управленческой деятельности профессионалов. Механизм процесса реформы состоял в следующем: отмена структур старого режима была проведена не

¹² Концепция сравнительного изучения трех революций (французской, русской и китайской) вызвала серьезную критику и даже обвинения ее авторов в "невероятной наивности" из-за неоправданного априоризма и логических несоответствий [66].

¹³ Непосредственное влияние французского (бонапартистского) образца бюрократической организации объясняет быструю адаптацию германской бюрократии в условиях реформ Штейна-Гарденберга [68].

через экстенсивное применение массового или военного насилия, а главным образом политическими средствами; изменения проводились не путем радикальной ломки, а путем ряда последовательных и ограниченных нововведений; сочетание бюрократического контроля для отмены власти консерваторов и манипулирования умеренными элементами для обеспечения поддержки более радикальных преобразований. Так последовательно был осуществлен переход от монархии к конституционной монархии и от нее к республике с авторитарной властью. Кемализм представляет собой идеологию модернизации, проводимой государством сверху без участия широких масс населения. В качестве других примеров такого рода режимов могут быть названы военные диктатуры в Египте и Перу, где основную роль в преобразованиях играет офицерство. Рассмотренные нами две стратегии социально-политической модернизации — путем революции снизу и революции (радикальной реформы) сверху — находят наиболее четкое выражение в двух тоталитарных системах XX в.

Если рассматривать мир как единую систему, то можно выделить в ней центр, периферию и полупериферию [69]. Отправным пунктом мирового развития Нового времени следует признать Французскую революцию, давшую стратегию разрешения социальных проблем революционными средствами. Разрешение конфликта общества и государства в революциях последующего времени опиралось на эту модель, но модифицировало ее применительно к другим социально-политическим условиям. В данной перспективе страны, где установились тоталитарные режимы коммунистического и фашистского типа, могут быть отнесены к полупериферии, для которой особенно характерно явление модернизации [70]. С этих позиций в современной литературе объясняется установление тоталитарных режимов коммунистического и фашистского образца [71]¹⁴. В России было наиболее подготовлено установление социалистического режима ленинского образца: в отличие от центральных районов мировой экономики здесь возможности адаптации к новым условиям развития были менее выраженными; к классовой основе массовой мобилизации прибавлялось здесь национальное чувство (выраженное в антиимпериализме); здесь существовали предпосылки для успешного восстания (в виде развитых городов). Продолжая эту логику, можно констатировать, что сталинизм стал логическим продолжением ленинизма и был необходим по геополитическим соображениям (было ясно, что Запад в той или иной форме попытается разрушить советский строй)¹⁵. В данной перспективе, наконец, интерпретируется горбачевская перестройка, которая представляет собой перегруппировку традиционной элиты в условиях кризиса марксизма-ленинизма как идеологии и стратегии в период прекращения холодной войны [78, 79, 80]. Возвращение к ленинизму в этих условиях не могло компенсировать отсутствия новой идеологии реформ. Это помешало Горбачеву провести преобразования в духе голлизма.

Вопрос о том, в какой мере фашистский режим может быть объяснен в контексте теории модернизации, является предметом споров в современной науке. Высказано три основных точки зрения: 1) фашизм (в отличие от коммунизма) никак нельзя считать явлением модернизации, поскольку его общий облик и цели были прямо обратными (носили не рациональный, а иррациональный характер); 2) фашизм можно рассматривать как модернизацию, ибо она всегда, в особенности в Новое время, являлась патологическим процессом; 3) фашизм, не являясь модернизирующим, но скорее консервативным течением, объективно означал все же модернизацию или во всяком случае оказал воздействие на общество в этом направлении [83]. Дискуссия о том, является фашизм проявлением модернизации или, напротив, представляет собой консервативную реакцию на нее, упирается в вопрос: что, собственно, представляет собой модернизация (крайне неопределенный термин, трактовки которого весьма различны). Если рассматривать ее не как позитивный, желательный для общества процесс (и вкладывать в него тем самым нормативный, оценочный характер), а скорее как объективную необходимость, принимающую подчас конвульсивные формы, то следует принять тезис о модернизирующей роли фашизма [84]. Можно спорить о том, в каких областях это воздействие было более или менее сильным, но сам факт его существования отрицать нельзя. Наиболее полно данная тенденция проявилась в мобилизации и унификации общества, экономической программе, социальном планировании, культе техники.

Магистральное направление изучения фашистской диктатуры с позиций теории модернизации представлено Т. Ниппердеем, положившим ее в основу интерпретации всей германской истории Нового времени [85]. Он выделяет следующие принципиальные особенности процесса модернизации в Германии: она началась здесь значительно позже, чем в других странах Западной Европы и имела догоняющий характер, в

¹⁴ Вопрос о возможности сопоставления фашизма и большевизма в рамках теории модернизации стал предметом ожесточенных споров в Германии. Противники данной точки зрения (представленной Нольте) настаивали на уникальности национал-социализма, заявляя, что теория модернизации не дает соответствующего масштаба для сравнения, а сходство фашизма с большевизмом и сталинизмом не больше, чем с другими авторитарными режимами развивающихся стран, например, Пол Пота в Камбодже или Иди Амина в Уганде. Суть спора определялась позициями сторон в отношении социалистической перспективы [72].

¹⁵ Теория модернизации является доминирующей при изучении революции и советского общества. В ее категориях объясняется революция, сталинский режим и последующий кризис [73,74,75,76, 77].

основном под влиянием внешнего воздействия (наполеоновские войны); при отсутствии единого национального государства интеллектуальная и политическая модернизация опережали социальную; движущей силой модернизации выступали поэтому бюрократия и традиционная консервативная элита. Ранний переход к массовой демократии — плебисцитарная мобилизация общества, ставшая результатом введения всеобщего избирательного права (уже в 1867 г.), ослабили возможности реализации либеральной стратегии модернизации парламентским путем. Создание единого германского государства, ставшего результатом бисмаркианской революции сверху, укрепило эту ситуацию, легитимировав положение старой элиты. Основным противоречием процесса модернизации стал конфликт между достаточно развитым гражданским обществом и традиционной элитой, оставшейся в новых условиях носителем духа национализма, аристократизма и милитаризма. Руководство модернизацией осуществляли силы, объективно враждебные ей. Противоречие модернизации проявилось наиболее полно в фашизме, который парадоксально сочетал в себе консервативную направленность и цели с модернизирующими формами и средствами их достижения. Это была, следовательно, консервативная революция, объективное значение которой состояло в модернизации общества в рамках тоталитарной диктатуры.

Сравнение различных форм новейшего авторитаризма с точки зрения их роли в процессе модернизации позволяет установить ряд принципиальных общих черт. Все эти режимы обязаны своим существованием кризису традиционного общества. Их социальной основой является массовая мобилизация во имя достижения определенной идеологической сверхзадачи. В то же время достаточно четко выделяется рациональный компонент этой идеологии — сознательная установка на использование достижений научного и технического прогресса в целях ускоренного развития. Противоречие между традиционным обществом и новой техникой, столь свойственное для модернизации, находит выражение в создании новых принципов социальной группировки и рекрутирования, новых условий социальной мобильности.

Принципиальное различие политики тоталитарных режимов с той, которая была свойственна предшествующим формам авторитаризма — бонапартизму, военным диктатурам и отчасти абсолютизму — состоит в степени контроля над обществом, интенсивности вмешательства в него и способах социальной мобилизации (которые в массовом обществе радикально отличаются от традиционалистского). В то же время отметим черты сходства: эта мобилизация происходит в формах авторитарной и тоталитарной государственности, имеет ярко выраженную антилиберальную направленность. Следствием становится отказ от концепции эволюционного, органического развития общества, упор на революционные, насильственные методы его переустройства. На первый план выходят начала социальной инженерии, организационной перестройки, активного преобразования традиционных структур и институтов. Носителем процесса модернизации становится особый слой политической бюрократии, в большей или меньшей мере технократически ориентированной. Анализ стратегии и тактики тоталитарных и вообще авторитарных режимов Новейшего времени показывает их существенную общность. Хорошо известен факт сознательной имитации фашистами технологии власти коммунистических государств, а также и обратное влияние опыта национал-социализма на сталинизм. К этому следует добавить использование обоими режимами авторитарных традиций предшествующей монархической государственности. На этом основании перспективен вывод о сходстве механизма власти и организации правящего слоя подобных систем господства, объединяемых общим понятием авторитаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Revolutions and Revolutionists. A Comprehensive Guide to the Literature* / Ed. by R.Blackey. Oxford: Clio, 1982.
2. *Reformation und Revolution: Beitrage zum politischen Wandel und den sozialen Krafte am Beginn der Neuzeit*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989. S. 290.
3. *Griewank K. Der neuzeitliche Revolutionsbegriff: Entstehung und Geschichte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. S. 143-150.
4. *Beddard R. The Unexpected Whig Revolution of 1688 // The Revolutions of 1688* / Ed. by R.Beddard: Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 96.
5. *Arendt H. On Revolution*. New York: The Viking Press, 1963. P. 37-45.
6. *Bailyn B. The Ideological Origins of the American Revolution*. London: Oxford University Press, 1967. P. 67.
7. *Koselleck R. Der neuzeitliche Revolutionsbegriff als geschichtliche Kategorie // Revolution und Gesellschaft. Zur Entwicklung des neuzeitlichen Revolutionsbegriffs* / Hrsg. von H. Reinalter. Innsbruck, INN-Verlag, 1980. S. 23-33.
8. *Schieder Th. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit: Studien zur Geschichte des XIX und XX Jahrhunderts*. Munchen: R. Oldenburg, 1974. S. 12.
9. *Gerard A. La Revolution Francaise: Muthes et Interpretations (1789-1970)*. Paris: Flammarion, 1970. P. 53.
10. *Токвиль А. Старый порядок и революция* / Перев. под ред. П.Г Виноградова. М.: И.Н.Кушнерев, 1905.

11. *Hague R., Harrop M., Breslin S.* Comparative Government and Politics: An Introduction. London: Macmillan, 1992. P. 68-75.
12. *Johnson Ch.* Revolution and the Social System. Stanford, 1964; Revolutionary Change, Boston, 1966.
13. *Palmer R.R.* The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760 -1800. Vol.1. Princeton: Princeton University Press, 1959. P. 21.
14. *Sorokin P.A.* The Sociology of Revolution. London, 1924.
15. *Gun T.R.* Why Men Rebel. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970. P.3-9.
16. Class Conflict and Collective Action / Ed. by L.Tilly, Ch. Tilly. Beverly Hills: Sage Publications, 1981. P. 243-244.
17. *Tilly Ch.* The Contentions French. Cambridge, Mass., 1986.
18. *Timasheff N.S.* War and Revolution. New York: Sheed and Ward, 1965.
19. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of modern World. Boston: Beacon Press, 1967. P. 413.
20. *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
21. *Huntingdon S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 264.
22. *Hagopian M.* The Phenomenon of Revolution. New York, 1974. P. 101-106.
23. *Zagorin P.* Rebels and Rulers, 1500-1660. Vol. 1. Society, States, and Early Modern Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 37. *Izdebski H.* Les Revolutions et le Droit en Europe depuis 1917 // Revolution, Reform, Restauration: Formen der Veränderung von Recht und Gesellschaft/ Hrsg. Von H. Mohnhaupt. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1988. S. 216-217.
24. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York: Vintage Books, 1938; Hobsbawm E.J. Revolution // Revolution in History/ Ed. by R.Porter and M. Teich. London: London University Press, 1986. P. 22.
25. *Monnerot J.* Sociologie de la Revolution: Mythologies Politiques du XX-eme siecle. Paris: Les Grandes Etudes Contemporaines, 1969.
26. *Haberle R.* Hauptprobleme der Politischen Soziologie. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1967. S.275.
27. *Duverger M.* Sociologie Politique. Paris: Presse Universitaire de France, 1967. P. 366.
28. *Sartori G.* Elementi di Teoria Politica. Bologna: Il Mulino, 1987. P.51-85.
29. *Habermas J.* Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. S. 168.
30. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: Einleitung in die Rechtswissenschaftliche Problematik. Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1934. S. 117.
31. *Neumann E.* Behemoth: Strukturoind Praxis des Nationalsozialismus. 1933-1944. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1977. S. 74.
32. *Schmitt C.* Die Diktatur: Von den Anfängen des modernen Souveranitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf. Berlin: Dunker und Humblot, 1964.
33. *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen: Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Dunker und Humblot, 1991.
34. *Schmitt C.* Die Wendung zum totalen Staat (1931) // Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles 1923-1939. Berlin: Dunker und Humblot, 1988.
35. *Barraclough G.* The Origins of Modern Germany. New York: Norton and Company, 1984. P.446-447.
36. *Dumont L.* Homo Aequalis: II. L'ideologie Allemande. France-Allemagne et Retour. Paris: Gallimard, 1991. P.292-293.
37. *Eyck E.* Geschichte der Weimarer Republik. Bd. 1. Vom Zusammenbruch des Kaisertums bis zur Wahl Hindenburgs. Zurich: Eugen Rentsch Verlag, 1956. S.100-101.
38. *Hattenhauer H.* Die geistesgeschichtlichen Grundlagen des deutschen Rechts. Heidelberg: C.R.Muller Juristischer Verlag, 1983. S. 280.
39. *Bracher K.D.* Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main: Ullstein, 1979. S. 212-258.
40. *Stolleis M.* Recht im Unrecht: Studien zur Rechtsgeschichte des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. S. 18-25.
41. *Picker H.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Stuttgart, Seewald, 1976. S. 167.
42. *Kornhauser W.* The Politics of Mass Society. Illinois. Glenkoe: The Free Press, 1959. P. 14-15.
43. *Lasswell H.* The Political Writings. Glenkoe: The Free Press, 1951. P. 262.
44. *Fromm E.* Escape From Freedom. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1947.
45. *Marcuse H.* One Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston: Beacon Press, 1964.
46. *Adorno T.W.* Studies in the Authoritarian Personality // Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975. Bd. 9.1.

47. *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt, Brace and World, 1966.
48. Politische Philosophie des 20. Jahrhunderts/ Hrsg.von K.Ballestrem und H.Ottmann. München: Oldenbourg, 1990. S.16-17.
49. *Neumann E* Demokratischer und autoritärer Staat: Studien zur politischen Theorie. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1967.
50. *Aron R.* Democracy and Totalitarianism: A Theory of Political Systems. New York: Michigan University Press, 1990. P.45.
51. *Friedrich C.J., Brzezinski Z.K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. P.9-10.
52. *Stammer O., Weingart P.* Politische Soziologie. München: Juventa Verlag, 1972. S.121-123.
53. *Talmon J.L* The Origins of Totalitarian Democracy. New York: Norton and Co., 1951. P. 249.
54. *Vovelle M.* La Mentalité Révolutionnaire: Société et Mentalités sous la Révolution. Française. Paris: Edition Sociales (Messidor). 1985. P. 146-147.
55. *Chevallier J.-J.* Histoire des Institutions et des Régimes Politiques de la France de 1789 à nos Jours. Paris: Dalloz, 1977. P. 70-71.
56. *Reinalter H.* Die Französische Revolution und Mitteleuropa. Erscheinungsformen und Wirkungen des Jakobinismus: Seine Gesellschaftstheorien und politischen Vorstellungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 22.
57. *Godechot J.* La Contre-Révolution: Doctrine et Action. 1789-1804. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. P. 407-408.
58. *Furet E* Interpreting the French Revolution. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. P. 77-78.
59. *Thody Ph.* French Caesarism from Napoleon I to Charles de Gaulle. London, 1989.
60. *Borke A. von.* Die Ursprünge des Bolschewismus: Die Jakobinische Tradition in Russland und die Theorie der revolutionären Diktatur. München: Johannes Borchmanns Verlag, 1977; S. 484-485.
61. *Wustemeyer M.* Demokratische Diktatur: Zum politischen System des Bonapartismus im Zweiten Empire. Köln: Bohlau, 1986, S. 374.
62. *Wright V.* The Coup d'Etat of December 1851: Repression and the Limits of Repression // Revolution and Reaction. 1848 and the Second French Republic / Ed. by R. Price. New York: Barnes and Noble Books, 1975. P. 326.
63. *Carr R.* Spain. 1808-1975. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 570-580.
64. *Линц Х.Х.* Крушение демократических режимов. Кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1993. С39-40.
65. *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
66. Politikwissenschaft: Eine Grundlegung. Bd.I. Stuttgart: W.Kohlhammer, 1987. S. 287.
67. *Trimberger E.K.* Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru. New York: Transaction Books, 1978.
68. *Wunder B.* La Bureaucratie d'Etat en France et en Allemagne: Role et Structure / La Révolution, la France et l'Allemagne: Deux Modèles opposés de Changement Social ? Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1989. P. 118-122.
69. *Wallerstein I.* The Modern World-System. Vol.1. New York: Academic Press, 1974. Vol. 1.
70. *Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. New York, Cambridge University Press, 1991. P.88,
71. *Nolte E.* Marxismus und Industrielle Revolution. Stuttgart: Klett-Cotta, 1983. S.522.
72. *Wehler H.-U.* Entsorgung der Deutschen Vergangenheit? Ein Polemischer Essay zum "Historikerstreit". München: C.H.Beck, 1988. S. 131-132.
73. *Fitzpatrick S.* The Russia Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1982. P.21.
74. *Letvin M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Pantheon Books, 1985. P.42-43.
75. *McDaniel D.K.* Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia. Berkeley: University of California Press, 1988. P. 2
76. *Rowney D.K.* Transition to Technocracy: The Structural Origins of the Soviet Administrative State. Ithaca: Cornell University Press, 1989.
77. Modernization and Revolution: Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia / Ed. by E.H.Judge, J.Y.Simms. New York: Columbia University Press, 1992.
78. Developments in Soviet and Post-Soviet Politics. Durham: Duke University Press, 1992.
79. *Daniels R.* The End of the Communist Revolution. New York:Routledge, 1993.
80. *Armstrong D.* Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society. New York: Oxford University Press, 1993.

81. Nationalsozialismus und Modernisierung / Hrsg. von M. Prinz und R.Zitelann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.
82. *Zitelmann R.* Die Totalitare Seite der Moderne // Nationalsozialismus und Modernisierung. S. 1-20.
83. *Nipperdey T.* Probleme der Modernisierung in Deutschland // Nachdenken über deutsche Geschichte: Essays. München: C.H. Beck, 1986. S. 44-59.